

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: РАБОТЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

DOI: 10.17805/zpu.2026.2.19

Постмодерн без конца: к обоснованию концепта позднего постмодернизма

Д. К. МИНАЕВ

Институт философии РАН

Статья посвящена анализу актуального состояния дискуссии о постмодернизме и обоснованию эвристической продуктивности концепта «позднего постмодернизма». Отправной точкой служит парадокс: постмодернизм продолжает оставаться центральным понятием гуманитарного дискурса на Западе именно потому, что его кончину обсуждают непрерывно начиная с 1990-х гг. На материале ряда актуальных публикаций в статье выявляется устойчивая структурная особенность этой дискуссии: невозможность окончательного разрыва с постмодернизмом даже в рамках концепций, декларирующих его преодоление. В качестве альтернативы автор обращается к понятию позднего постмодернизма, намеченному в литературоведческих работах Джереми Грина, и обосновывает его применимость как стратегии имманентной периодизации по аналогии с адорновским «поздним стилем» и джеймисоновским «поздним капитализмом». Статья носит постановочный характер и направлена на дальнейшее уточнение содержания этого понятия.

Ключевые слова: поздний постмодернизм; постмодерн; периодизация; культурная логика; постпостмодернизм; перформатизм; американская проза; неолиберализм; поздний капитализм; цифровая современность

ВВЕДЕНИЕ

Постмодерн хоронили столько раз, что впору вслед за Линдой Хатчеон говорить: «Постмодерн мертв, да здравствует постмодерн!», тем более что подобная шутка, кажется, так же избита, как и очередные похороны (Hutcheon, 2002). Действительно, мы имеем дело с тем редким случаем, когда явление остается актуальным именно по той причине, что его кончину постоянно обсуждают. Литературовед Мэри К. Холланд, размышляя о современных конфигурациях реализма в литературе, замечает, что наиболее характерная черта постмодернизма в том, что «критики утверждали, будто постмодернизм умер, едва успев начаться, и продолжают спорить о его зарождении даже сейчас, когда большинство сходится во мнении, что он мертв» (Holland, 2020: 21). Уже в 1990 г. Джон Фроу задал вопрос о том, чем, собственно говоря, постмодерн был, т. е. признал, что его больше нет (Frow, 1990). Между тем в 1998 г. Чарльз Альтьери озаглавил свою книгу «Постмодернизмы сейчас», имея в виду постмодернизмы во множественном числе и в настоящем времени, хотя и обсуждал он в этой книге по большей части культуру и искусство (Altieri, 1998).

Важно отметить, что проблематичным является не только закат постмодерна, но и его начало. К примеру, Брайан Макхейл, обращаясь к проблеме периодизации постмодернизма, предлагает рассматривать 1966 г. как условную точку кристаллизации постмодернистской культурной логики. Его аргумент строится на том, что именно в этот период в архитектуре, литературе, музыке, кино и теории возникает критическая масса феноменов, предвосхищающих зрелый постмодернизм. Макхейл не абсолютизирует эту дату, а, наоборот, подчеркивает условный характер любого подобного хронологического жеста, трактуя его прежде всего как эвристический инструмент, позволяющий выявить внутреннюю логику культурной периодизации (McHale, 2008).

Одним показательным, хотя и далеко не единственным документом этой ситуации является сборник «Постмодернизм. Какой момент?», под редакцией Пелагии Гулимари, впервые вышедший в издательстве Манчестерского университета в 2007 г. В сборник вошли тексты эмблематичных теоретиков постмодернизма: Фредрика Джеймисона, Дугласа Келлнера, Линды Хатчеон, Джанни Ваттимо, Роберто Вентури и многих других. Любопытно, что небольшой текст Фредрика Джеймисона, завершающий сборник, заканчивается мыслью о том, что все связанное с постмодернизмом, даже если оно сегодня и видится отжившим свое и чудовищно устаревшим, тем не менее имеет шанс: вся новая интеллектуальная мода будет ассимилирована постмодернизмом. Он также хладнокровно констатировал, что «третья стадия капитализма, выраженная в глобализации и постмодерности одновременно, будет с нами еще некоторое время» (Jameson, 2007: 213).

С момента публикации этого сборника прошло почти два десятилетия. Безусловно, наш теоретический арсенал пополнился многими примечательными концепциями: капитализм надзорный и цифровой, цифровая рента, общество усталости и иные теоретические построения, направленные на критику симптомов неолиберализма и новейших форм капитализма. Подобный взгляд на «живучесть» постмодерна разделяет британский журналист и культурный критик Стюарт Джеффрис в книге «Всё, всегда, везде: Как мы стали постмодернистами» (Джеффрис, 2024). Его ответ на вопрос, почему постмодернизм никуда не делся, предельно конкретен: постмодернизм возник под знаком неолиберализма и разделяет с ним общую судьбу. Оба явления появились из одних и тех же исторических обломков: краха социал-демократического консенсуса послевоенной эпохи, символом которого стал снос американского жилого комплекса Пруитт-Айгоу в 1972 г., и оба предложили разным языком один и тот же нарратив освобождения: неолиберализм — от излишне контролирующего государства, а постмодернизм — от канона и иерархии (там же).

Конечно, постмодерну и постмодернизму было предложено множество альтернатив: постпостмодернизм, диджимодернизм, метамодерн и проч., однако не каждая из них выдержала проверку временем. В рамках данной статьи мы хотели бы обратиться к идее, которая во многом существует скорее как интуиция, маргиналия на интеллектуальном поле и невысказанная альтернатива без альтернативы, а именно к еще не вполне осмысленному концепту «позднего постмодерна». Нашей задачей, однако, будет пока еще не полноценная концептуализация этого понятия, а скорее постановка проблемы.

В этом отношении особенно важен предложенный Филипом Уэгнером анализ 1990-х гг. как особой фазы позднего постмодернизма. Развивая логику джеймисо-

новского различия «высокого» и «позднего» модернизма, Уэгнер переносит этот принцип внутренней периодизации на постмодернистскую культурную формацию. Период между 1989 и 2001 гг. интерпретируется им как историческое состояние «между двумя смертями», когда прежний мировой порядок уже утратил устойчивость, тогда как новый еще не оформился. Существенно, что в данной перспективе «поздний» не означает остаточный или упадочный. Напротив, речь идет о фазе, в которой внутри самой постмодернистской логики активизируются новые формы политического воображения и коллективности. Тем самым постмодернизм предстает не как завершенная и исчерпанная культурная парадигма, а как динамическая формация, способная к внутренним преобразованиям. Подобная трактовка принципиальна для настоящего исследования, поскольку она позволяет рассматривать поздний постмодерн не как термин для обозначения культурного упадка, а как аналитическую категорию, фиксирующую новую стадию развития постмодернистской логики без выхода за ее пределы (Wegner, 2009).

ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОСТМОДЕРНА

Показательно, что интерес к постмодернизму не иссякает и в самые последние годы, но сам характер обращения к нему существенно изменился. Если в 1980-е гг. были актуальны дебаты о том, что такое постмодерн, а в 1990-х, по словам Гулимари, случился «вал антологий» и «итоговых компендиумов» (Goulimari, 2007: 3), то 2000-е гг. были долгими поминками. Как тогда понимать множество публикаций, обращавшихся к постмодерну и постмодернизму в 2010-х или 2020-х? Приведем несколько примеров, каждый из которых является по-своему симптоматичным.

В 2025 г. влиятельный ученый-юрист и мыслитель Брюс Аккерман опубликовал работу «Трудное положение постмодерна: экзистенциальные вызовы XXI века» (Ackerman, 2024). Аккерман использует понятие «постмодерн» несколько иначе, чем мог бы ожидать читатель, увидевший это слово на обложке его книги. Во-первых, он прочитывает постмодерн не столько как философскую или культурологическую категорию, а в качестве хронологического и социологического маркера. Два явления делают нашу эпоху «постмодерной» в его понимании. Первое — цифровая революция, породившая то, что он называет «проблемой двух жизней»: человек вынужден одновременно существовать в физическом и виртуальном пространстве, и эти два существования вступают в деструктивное противоречие, подрывая способность поддерживать подлинные обязательства перед реальными людьми. Второй аспект — это радикальное продление жизни, открывающее, по Аккерману, совершенно новое экзистенциальное измерение: человек, принимающий обязательства в 20 лет, должен каким-то образом считаться с тем, что личность, которую будет населять его тело в 70 или 80, может оказаться для него глубоко чуждой и чужой, т. е. будет обладать иными ценностями, привязанностями и идентичностью.

Этот «постмодерный жизненный цикл» делает традиционные модели самопонимания и гражданской ответственности, по мнению автора, принципиально ненадежными. Показательно, что эти вопросы Аккерман исследует, обращаясь не к французским постструктуралистам, а к философским взглядам Хайдеггера, Сартра и Мерло-Понти. Во-многом само употребление слова «постмодерн» у Аккермана симптоматично: понятие настолько укоренилось в языке описания современ-

ности, что его продолжают применять даже тогда, когда от его теоретического содержания не остается почти ничего из опыта минувших десятилетий.

В 2024 г. в издательстве «Раутледж» вышла работа американского культуролога Уэйда Тиллетта «Навигация в постмодерном состоянии: разрывы повседневной жизни». Отправная точка исследования намеренно прозаична: сон, забывание, ложь, многозадачность, случайное отвлечение — те повседневные разрывы непрерывности, которые мы привыкли игнорировать или считать досадными помехами. Тиллетт настаивает на том, что именно они и составляют подлинную структуру опыта: «большая часть нашей жизни — это пробелы», а не заполненное присутствие; мы воспринимаем и помним, по его выражению, «дырявым ведром» (Tillett, 2024: 2).

Тиллетт предлагает не устранять эти разрывы, а научиться их замечать, использовать и принимать, ведь именно в них скрыты возможности для ускользания от той «тирании единого», которой культура требует от субъекта.

Теоретические рамки книги выстроены на пересечении радикального эмпиризма Уильяма Джеймса и концепции сборки у Делеза и Гваттари. Джеймсовский плюрализм Тиллетт последовательно распространяет на субъекта: «я» — не единая инстанция, а множество несводимых режимов существования, между которыми нет ни синтеза, ни иерархии. Делезовский тезис о том, что «разартикулировать, перестать быть организмом», — это опыт, который мы переживаем «каждый день», становится у Тиллетта не метафорой, а буквальным описанием того, что происходит с нами каждую ночь, каждый раз, когда мы задумываемся или лжем (там же: 3). «Постмодерное состояние» в названии книги — это не эпоха и не культурный диагноз в привычном смысле, а попытка описать, каково это жить через разрывы, которые «запрограммированы в нас» и составляют «фундаментальную часть того, кто мы есть».

Примечательно, что сама форма книги имитирует ее содержание. Главы намеренно противоречат друг другу, текст то и дело прерывается короткими автобиографическими виньетками: похороны дедушки, убоим кур, бессонной ночью, в которых теоретические тезисы внезапно оборачиваются конкретным телесным опытом. Тиллетт описывает эту стратегию прямо: он хотел не объяснять разрывы, а заставить их «ощутить», и поэтому пишет для «пользователей», а не «читателей»-людей, которые будут пользоваться текстом как инструментом, а не потреблять его как нарратив (там же: viii). В этом смысле постмодернизм здесь вовсе не завершенная глава истории мысли, требующая преодоления, а живая практика навигации в условиях необратимой фрагментированности, которая была с нами всегда и никуда не денется. Как мы видим из этих двух примеров, постмодерн и постмодернизм в качестве понятий не исчезают не то что из научного дискурса, но и из самих заглавий.

В 2025 г. теоретик культуры Рауль Эшельман опубликовал монографию «Преодолевающая постмодернизм: перформатизм 2.0» (Eshelman, 2025). Работа над преодолением постмодернизма была начата Эшельманом еще в 2000 г., когда им была предложена концепция перформатизма (Eshelman, 2000). Исходный теоретический проект представлял собой сложное многоуровневое построение, интегрирующее семиотические, антропологические и культурологические подходы, в том числе генеративную антропологию Эрика Ганса, на которую автор во многом опирается.

Наряду с неологизмом, вынесенным в заглавие, Эшельман предложил ряд оригинальных концептов для описания современного культурного состояния: «двойное фреймирование», «теистический нарратив», «перформатистская субъективность» и др. Детальный разбор перформатизма в его первоначальном виде выходит за рамки настоящего исследования, тем более что этот проект обстоятельно рассмотрен А. В. Павловым в его обширной работе, посвященной постпостмодернизму (Павлов, 2019). Однако нам необходимо обозначить несколько ключевых теоретических интенций Эшельмана. В 2000 г. автор декларировал реабилитацию субъекта, обескровленного постмодернистским дискурсом, возвращение к переживанию исторического времени, а также утверждение пусть и конструируемой, но подлинной веры в противовес постмодернистским иронии и индифферентности. Вопрос о том, что изменилось в этом проекте спустя четверть века, и составляет предмет настоящего раздела.

За прошедшее время концептуальный аппарат перформатизма претерпел существенное расширение. Уже в работе 2008 г. Эшельман обратился к описанию любовных и межличностных отношений в современной культуре посредством понятия диадической связи (*dyadic bonding*). Данный термин представляет собой переработку концепта диадического единства, заимствованного из сферологии Петера Слотердайка, одного из важных теоретических источников Эшельмана. «Диадическая связь» определяется как примирительная и взаимная спроекция двух субъектов, конституирующая общий горизонт смысла и принципиально отличающаяся от постмодернистской модели отношений с ее характерной семиотической нестабильностью и обусловленностью открытым, неконтролируемым контекстом (Eshelman, 2008). Показательно, что в этом контексте Эшельман вновь обращается к фундаментальной для его теории идее первосцены — гипотетическому остенсивному событию, в котором, согласно генеративной антропологии Ганса, впервые конституируется как единый знак, так и человеческая коллективность.

В монографии 2025 г. этот понятийный аппарат существенно обогащается. Центральной категорией новой версии перформатизма становится трансцендентность, переосмысленная автором в двух взаимосвязанных измерениях: как аффирмативный опыт непознаваемого и как аффирмативный опыт преодоления барьера между внутренним миром субъекта и внешней реальностью (Eshelman, 2025). В отличие от постмодернистской трактовки, в которой непознаваемое (к примеру, лакановское Реальное) выступало обыкновенно как угроза или травма, перформатизм предлагает его аффирмативное, эстетически опосредованное переживание — то, что Эшельман еще в 2008 г. метафорически обозначил как «Кант с дубиной» (англ. *Kant with a club*): принудительная, а не добровольная реализация эстетического опыта посредством двойного фреймирования (Eshelman, 2008: 57).

Существенным теоретическим приобретением новой книги является концепция «чанкированного» времени (*chunked time*). Перформатистские нарративы, по Эшельману, организуют повествовательное время не по классическому линейному принципу и не по постмодернистской логике пространственной фрагментации и временного «рассеивания» (характерной для кинотеории Делеза или понятия спатIALIZации у Джеймисона), но посредством дискретных, замкнутых в себе темпоральных блоков-чанков, сочленение которых управляется недоступной для понимания авторской инстанцией, а именно агентом, придающим повествованию квази-теологическую вертикаль. В качестве наиболее показательного примера Эшельман

разбирает фильмы Кристофера Нолана, вводя понятие «времени Кристофера Нолана» (Christopher Nolan Time, CNT) (Eshelman, 2025).

Параллельно разрабатывается расширенная типология «отделенной субъективности» (separated subjectivity), полюсами которой выступают «дурак» (the fool) и «гений» (the genius). «Дурак» — это субъект, чья непроницаемость для социального дискурса обусловлена конститутивной неспособностью к семиотической игре (в качестве прообраза автор указывает Кристофера Буна из романа М. Хэддона «Загадочное ночное убийство собаки»); «гений» — это субъект, чья сингулярность определяется избыточностью творческой или нравственной энергии, выходящей за пределы социального фрейма (прообраз — Лидия Тар из одноименного фильма Т. Филда). Оба типа, несмотря на полярность, выполняют сходную функцию: их непрозрачность делает возможным мимесис — додискурсивную имитацию поведения другого, открывая тем самым канал для передачи трансцендентного заряда (там же).

Столь же важна переориентация перформатистской этики: от постмодернистского «этоса жертвенности» (в котором моральный статус определяется позицией периферийного, угнетаемого субъекта) к «этике перпетрации» (ethics of perpetration), в центре которой находится агент, совершающий действие и несущий за него ответственность. Перформатистская этика, опираясь на концепцию истинного события Бадью, утверждает примат деятельного субъекта, чья сакральная заряженность возникает из самой готовности к поступку, а не из факта претерпевания (там же).

Между тем интонация введения к книге далека от триумфальной. Эшельман с нескрываемым сожалением констатирует, что, невзирая на «заметно возросший интерес» к проблеме постпостмодернизма (в форме монографий, сборников, конференций и интернет-комментариев), «доминирующая установка в академической среде» осталась неизменной (там же). Когда исследователю предлагается признать, что нечто действительно новое пришло на смену постмодернизму, типичная реакция коллег, по словам автора, сводится к следующему: «Да, но ситуацию трудно охватить, слишком многое происходит одновременно». Собеседник охотно соглашается с тем, что значимые сдвиги налицо, однако не обнаруживает «ни малейшего желания расставаться» с постструктуралистским инструментарием (там же). Эшельман объясняет эту инерцию прежде всего господством постисторицизма, установки, унаследованной от Фуко и его концепции эпистемы, которая, требуя от смены эпох абсолютного, зримого разрыва, де-факто делает любую фиксацию подобного разрыва методологически невозможной. «Упрямое не-наступление» (stubborn non-arrival) такого разрыва, иронизирует Эшельман, само по себе служит достаточным основанием для того, чтобы оставаться в постмодернистско-постисторическом режиме бесконечно (там же).

Показательно, что эта ситуация воспроизводится на уровне номенклатуры: значительная часть работ, номинально посвященных постпостмодернизму, на поверку оказывается лишь описанием постмодернизма под новыми именами. Сборник К. Штирсторфера «Beyond Postmodernism» (2003) включает статьи о заведомо постмодернистских авторах; книга Дж. Тота об «историопластической метафикции» неизменно возвращается к деконструктивистскому словарю (Toth, 2010); работа Э. Рутен о «практиках искренности» в российской культуре остается в социологическом горизонте, не выходя за рамки постмодернистских предпосы-

лок (Rutten, 2017). Иными словами, даже там, где декларируется выход за пределы постмодернизма, дискурс о нем продолжает структурировать и организовывать исследовательскую оптику. Это обстоятельство, как представляется, само по себе свидетельствует о том, что постмодернизм вне зависимости от того, считать ли его актуальной культурной формацией или пройденным этапом, по-прежнему остается точкой теоретического притяжения, без которой современная гуманитарная мысль на Западе не способна себя ориентировать.

ПОЗДНИЙ ПОСТМОДЕРН В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Особого внимания в этой связи заслуживают три монографии, каждая из которых работает против тезиса о преодолении постмодернизма и свидетельствует в пользу его сохраняющейся актуальности. Речь идет о работах Джереми Грина «Поздний постмодернизм: американская проза на рубеже тысячелетий» (2005), Мэри Холланд «Наследуя постмодернизму: язык и гуманизм в современной американской литературе» (2013) и Мэтта Грэхэма «Постмодернизм, культура XXI века и американская проза» (2024). Этих авторов, работающих в разных методологических регистрах, объединяет принципиальная установка: удержать постмодернизм как живую объяснительную рамку, а не как пройденный этап, требующий замены.

Грин предпринимает попытку периодизации современного американского романа, опираясь на концепт позднего постмодернизма, противоречивость которого автор признает в явном виде. Поскольку постмодернизм сам по себе является понятием запоздалости, добавление к нему модификатора «поздний» грозит порождением дурной бесконечности: что следует после постмодернизма? А после постпостмодернизма? Тем не менее Грин настаивает на эвристической продуктивности подобного жеста: концепт фиксирует не приход новой культурной эпохи, а внутреннее изменение самого постмодернизма — его переход в фазу зрелости, исчерпанности и нарастающего самосомнения (Green, 2005: 1–7). Теоретическим фундаментом книги служит социология литературного поля в духе Бурдьё: «поздний постмодернизм» понимается прежде всего не как стилистическая категория, а как дескрипция положения экспериментальной литературы внутри поля, претерпевшего глубокую трансформацию под влиянием информационной экономики, корпоративной консолидации издательского рынка и всеобщей коммодификации культуры (там же: 19–44). В качестве эмблематической фигуры позднего постмодернизма Грин выдвигает образ «заблокированного писателя» — романиста, не способного завершить произведение, лишённого аудитории, разлученного с живой традицией. Этот мотив, обнаруживаемый у Ричарда Пауэрса, Кэтрин Дэвис и Дэвида Маркесона, встроен в саму формальную ткань произведений (там же: 117–162). Для описания диапазона стратегий внутри позднего постмодернизма Грин использует различие Перри Андерсона: «цитра»-постмодернизм, тяготеющий к отступлению от формального радикализма в пользу реконструированного реализма (Франзен, Рот), и «ультра»-постмодернизм, доводящий экспериментальную логику до предела при сохранении политического импульса (Эван Дара) (там же: 43–44). Принципиально важно, что концепт Грина отказывается от притязаний на постмодернизм как на пройденный этап. «Поздний» здесь функционирует так же, как в адорновском «позднем стиле» или в «позднем капитализме» Джеймисона, фиксируя фазу развития внутри той же формации. Грин прямо на-

стаивает на том, что постмодернизм «нельзя списать в архив как моду *fin-de-siècle*» (там же: 13).

Мэри Холланд переводит разговор из социологической плоскости в плоскость поэтики и ценностей. Ее отправной тезис заостряет полемическую ситуацию: вопреки хору голосов, провозглашающих окончание постмодернизма на рубеже тысячелетий, мы имеем дело «не с концом постмодернизма, а с его запоздалым успехом» (Holland, 2013: 17). Холланд анализирует романы Дона Делилло, Дэвида Фостера Уоллеса, Марка Данилевски, Джонатана Сафрана Фоера и показывает, что проза XXI в. сохраняет в неприкосновенности постструктуралистские предпосылки о произвольности знака, но поворачивает их в сторону гуманистических целей: эмпатии, коммуникации, построения общности. Парадоксальная формула ее аргумента — «язык как решение проблемы языка»: современный роман не отказывается от постмодернистской диагностики кризиса репрезентации, но изнутри самой этой диагностики вырабатывает средства его преодоления (там же: 3). Тем самым Холланд переопределяет траекторию самого постмодернизма: то, что критики вроде Тота и Кирби описывают как симптомы смерти постмодернизма, — институционализацию, утрату авангардного статуса, возвращение реализма, поворот к искренности, — на деле свидетельствует об обратном. Движение постмодернизма за пределы постмодернистского молчания не означает его конца, но, напротив, фиксирует то, что он наконец-то достигает своих собственных целей (там же: 15–16). Холланд предлагает тем самым решительную реинтерпретацию всего поля: множество работ о постпостмодернизме фиксируют реальный сдвиг, но описывают его неверно, превращая внутреннюю мутацию постмодернизма в мнимый разрыв.

Работа Мэтта Грэхэма переводит дискуссию в еще одну плоскость — политэкономическую и эстетико-политическую. Отправная точка Грэхэма декларативна: что если постмодернизм никуда не ушел? В противовес господствующему тезису о его преодолении Грэхэм предлагает концепт «постмодернистского континуума», простирающегося до второй декады XXI в. (Graham, 2024: 2). Основание для такого удержания континуитета — сохраняющееся господство капитализма в его постхолодновоевропейской форме, для описания которого Грэхэм предпочитает термин «продвинутый капитализм» (*advanced capitalism*) джеймсоновскому «позднему капитализму» и менее определенному «неолиберализму» (там же: 11). Центральной категорией культурного опыта у Грэхэма становится «хаотический реализм» (*chaotic realism*): состояние, в котором невозможность помыслить альтернативу капиталистической рамке — ситуация, описанная Марком Фишером как «капиталистический реализм», — сочетается с интенсификацией характерных постмодернистских симптомов: фрагментации, разочарования, гиперреальности (там же: 4). Постмодернистская эстетика, по Грэхэму, не просто сохраняется в XXI в., но приобретает новую критическую функцию: именно тогда, когда постмодернизм перестает быть авангардным стилем и утрачивает статус культурной новинки, он обретает особую перформативную силу в качестве способа артикуляции продвинутого капитализма (там же: 8). Показательно, что Грэхэм прямо подключается к линии Грина, отмечая, что его собственный проект может быть понят как добавление «третьего поколения» писателей к той периодизации внутри постмодернизма, которую Грин наметил в 2005 г. (там же: 25). Тем самым концепт позднего постмодернизма в его первоначальной формулировке оказывается расширяемым и применимым к литературным явлениям начала 2010-х и далее.

Рассмотренные три работы выстраиваются в отчетливую линию, существенно отличающуюся от доминирующего нарратива о преодолении постмодернизма. Грин, Холланд и Грэхэм удерживают постмодернизм как рамку анализа, работая каждый в своем регистре: социология литературного поля у Грина, поэтика и аксиология у Холланд, политэкономия эстетики у Грэхэма. Примечательно, что все трое не игнорируют те сдвиги, которые их оппоненты описывают как симптомы конца постмодернизма: институционализацию, возвращение гуманистических интенций, интенсификацию капиталистической логики, цифровую трансформацию культурного поля. Однако во всех трех случаях эти сдвиги интерпретируются не как преодоление постмодернизма, а как модуляции внутри него: либо как его «поздняя» фаза, либо как его «запоздалый успех», либо как его «хаотический» извод. Таким образом, литературоведческая дискуссия, казавшаяся частным случаем более широкого кризиса периодизации, предлагает собственную версию ответа на вопрос о современном состоянии постмодернизма, и ответ этот прямо противоположен тезису о его смерти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассмотренные подходы позволяют утверждать, что концепт «позднего постмодерна» обладает значительным эвристическим потенциалом именно потому, что позволяет отказаться от ложной альтернативы между признанием «смерти» постмодернизма и сохранением его в неизменном виде. Если одни исследователи продолжают настаивать на преодолении постмодернизма через введение новых понятийных рамок, то рассмотренные в статье работы демонстрируют возможность мыслить современность, прежде всего западную, как пространство внутренних модификаций постмодернистской культурной логики.

Именно поэтому более продуктивным представляется подход, предполагающий внутреннюю историческую дифференциацию постмодернизма без утверждения окончательного разрыва. Уэгнер, выделяя «поздний постмодернизм» как фазу реактивации политического воображения внутри самой постмодернистской формации, показывает, что поздняя стадия может означать не исчерпанность, а структурную трансформацию. Грин, Холланд и Грэхэм, каждый в собственной теоретической перспективе, фактически развивают ту же логику: постмодернизм не отменяется, а переходит в новые режимы существования — как зрелая фаза литературного поля, как «запоздалый успех» гуманистических интенций или как «хаотический реализм» цифрового капитализма. Во всех этих случаях речь идет не о смене эпохи, а о реорганизации внутренних механизмов одной и той же культурной логики.

Это особенно заметно в условиях цифровой современности, где характерные для постмодернизма черты — фрагментарность, множественность реальностей, симулятивность и нестабильность субъекта — не исчезают, а получают новое технологическое оформление. Цифровая среда не знаменует собой конец постмодернистского состояния, напротив, она делает его структурные особенности еще более очевидными. Тем самым поздний постмодерн может быть понят как стадия медальной интенсификации постмодернистской логики, при которой ее базовые механизмы сохраняются, хотя формы их проявления существенно меняются.

В этой перспективе понятие «поздний постмодерн» оказывается потенциально значимой категорией для описания современной культурной ситуации. Оно позво-

ляет фиксировать исторические изменения, не прибегая к поспешным декларациям о наступлении принципиально новой эпохи. Подобно тому как понятия «поздний капитализм» или «поздний стиль» обозначают зрелые и внутренне противоречивые фазы развития определенной формации, «поздний постмодерн» может обозначать исторический момент, в котором постмодернистская логика сохраняет доминирование, но действует уже в иных институциональных, технологических и культурных условиях.

Разумеется, данное понятие еще нуждается в дальнейшей разработке: его границы остаются подвижными, дисциплинарная применимость требует уточнения, а его отношение к смежным концептам, таким как метамодерн, диджимодернизм или постпостмодернизм, должно стать предметом отдельного анализа. Однако именно эта теоретическая незавершенность делает его перспективным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Павлов, А. В. (2019) Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС. 558 с.

Ackerman, B. (2024) *The Postmodern Predicament: Existential Challenges of the Twenty-First Century*. New Haven : Yale University Press.

Altieri, C. (1998) *Postmodernisms Now: Essays on Contemporaneity in the Arts*. University Park : Pennsylvania State University Press.

Джеффрис, С. (2024) *Всё, всегда, везде: Как мы стали постмодернистами* / пер. с англ. М. : Ad Marginem.

Eshelman, R. (2000) *Performatism, or the End of Postmodernism*. *Anthropoetics*. Vol. 6. No. 2.

Eshelman, R. (2008) *Performatism, or the End of Postmodernism*. Aurora : Davies Group Publishers.

Eshelman, R. (2025) *Transcending Postmodernism: Performatism 2.0*. London : Routledge.

Frow, J. (1990) *What Was Postmodernism? // Past the Last Post: Theorizing Post-Colonialism and Post-Modernism* / ed. by I. Adam, H. Tiffin. Calgary : University of Calgary Press. P. 139–159.

Goulimari, P. (ed.) (2007) *Postmodernism. What Moment?* Manchester : Manchester University Press.

Graham, M. (2024) *Postmodernism, Twenty-First Century Culture, and American Fiction*. Oxford : Routledge.

Green, J. (2005) *Late Postmodernism: American Fiction at the Millennium*. New York : Palgrave Macmillan.

Holland, M. K. (2013) *Succeeding Postmodernism: Language and Humanism in Contemporary American Literature*. New York : Bloomsbury.

Holland, M. K. (2020) *The Moral Worlds of Contemporary Realism*. New York : Bloomsbury.

Hutcheon, L. (2002) *The Politics of Postmodernism*. 2nd ed. London ; New York : Routledge.

McHale, B. (2008) *The Year of the Breakdown: 1966 // Modern Language Quarterly*. Vol. 69. No. 3. P. 409–444.

Rutten, E. (2017) *Sincerity after Communism: A Cultural History*. New Haven : Yale University Press.

Tillett, W. A. (2024) *Navigating the Postmodern Condition: The Discontinuities of Everyday Life*. London : Routledge.

Toth, J. (2010) *The Passing of Postmodernism: A Spectroanalysis of the Contemporary*. Albany : State University of New York Press.

Wegner, P. E. (2009) *Life between Two Deaths, 1989–2001: U.S. Culture in the Long Nineties*. Durham : Duke University Press.

Дата поступления: 25.05.2026 г.

POSTMODERNITY WITHOUT END:
TOWARD A JUSTIFICATION OF THE CONCEPT OF LATE POSTMODERNISM

D. K. MINAEV
RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY

This article examines the current state of the debate on postmodernism and argues for the heuristic productivity of the concept of «late postmodernism.» The starting point is a paradox: postmodernism remains a central category of humanistic discourse in the West precisely because its demise has been continuously debated since the 1990s. Drawing on a range of recent publications, the article identifies a persistent structural feature of this debate: the impossibility of a definitive break with postmodernism even within frameworks that explicitly declare its overcoming. As an alternative, the author turns to the notion of «late postmodernism» as outlined in Jeremy Green's literary-critical work, and argues for its applicability as a strategy of immanent periodization — by analogy with Adorno's "late style" and Jameson's "late capitalism". The article is exploratory in character and sets the task of further conceptualizing this notion.

Keywords: late postmodernism; postmodernity; periodization; cultural logic; post-postmodernism; performatism; American fiction; neoliberalism; late capitalism; digital modernity

REFERENCES

- Pavlov, A. V. (2019) *Postpostmodernizm: kak sotsial'naiia i kul'turnaia teorii ob'iasniaiut nashe vremia*. Moscow, «Delo» RANEPА Publ. 558 p. (In Russ.).
- Ackerman, B. (2024) *The Postmodern Predicament: Existential Challenges of the Twenty-First Century*. New Haven, Yale University Press. 304 p.
- Altieri, C. (1998) *Postmodernisms Now: Essays on Contemporaneity in the Arts*. University Park, Pennsylvania State University Press. 208 p.
- Eshelman, R. (2000) Performatism, or the End of Postmodernism. *Anthropoetics*, vol. 6, no. 2. *Transcending Postmodernism: Performatism 2.0*. London, Routledge. 198 p.
- Eshelman, R. (2008) *Performatism, or the End of Postmodernism*. Aurora, Davies Group Publishers. 287 p.
- Eshelman, R. (2025) *Transcending Postmodernism: Performatism 2.0*. London, Routledge. 198 p.
- Frow, J. (1990) What Was Postmodernism? *Past the Last Post: Theorizing Post-Colonialism and Post-Modernism* / ed. by I. Adam and H. Tiffin. Calgary, University of Calgary Press. Pp. 139–159.
- Goulimari, P. (ed.) (2007) *Postmodernism. What Moment?* Manchester, Manchester University Press. 288 p.
- Graham, M. (2024) *Postmodernism, Twenty-First Century Culture, and American Fiction*. Oxford, Routledge. 232 p.
- Green, J. (2005) *Late Postmodernism: American Fiction at the Millennium*. New York, Palgrave Macmillan. 224 p.
- Holland, M. K. (2013) *Succeeding Postmodernism: Language and Humanism in Contemporary American Literature*. New York, Bloomsbury. 208 p.
- Holland, M. K. (2020) *The Moral Worlds of Contemporary Realism*. New York, Bloomsbury. 224 p.
- Hutcheon, L. (2002) The Politics of Postmodernism. 2nd ed. London, New York, Routledge. 232 p. *Transcending Postmodernism: Performatism 2.0*. London, Routledge. 198 p.
- Jeffries, S. (2024) Vse, vseгда, vezde: Kak my stali postmodernistami. *Transcending Postmodernism: Performatism 2.0*. London, Routledge. 198 p.
- McHale, B. (2008) The Year of the Breakdown: 1966. *Modern Language Quarterly*, vol. 69, no. 3, pp. 409–444.
- Rutten, E. (2017) *Sincerity after Communism: A Cultural History*. New Haven, Yale University Press. 272 p.

Tillett, W. A. (2024) *Navigating the Postmodern Condition: The Discontinuities of Everyday Life*. London, Routledge. 216 p.

Toth, J. (2010) *The Passing of Postmodernism: A Spectroanalysis of the Contemporary*. Albany, State University of New York Press. 236 p.

Wegner, P. E. (2009) *Life between Two Deaths, 1989–2001: U.S. Culture in the Long Nineties*. Durham, Duke University Press. 304 p.

Submission date: 25.05.2026.

Минаев Даниил Кириллович — аспирант сектора социальной философии, Институт философии РАН. Адрес: 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: dk.minaevkorobeynikov@gmail.com

Minaev Daniil Kirillovich, Postgraduate Student, Sector of Social Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12, Goncharnaya St., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: +7 (495) 697-98-93. E-mail: dk.minaevkorobeynikov@gmail.com

DOI: 10.17805/zpu.2026.2.20

Гражданская добродетель в современном римском республиканизме

М. А. СТЕПАНОВ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

Для республиканской мысли гражданская добродетель имеет большое значение, но ее понимание отличается в зависимости от того, к какому из двух магистральных направлений республиканизма — греческому или римскому — склоняется конкретный автор. Так, в греческом республиканизме добродетель рассматривается в духе политического перфекционизма, в то время как в римском воспринимается как инструментальная ценность. Однако подобное представление, полезное при анализе теории на макроуровне, нивелирует значимые отличия между авторами на микроуровне. Особенно это касается римского республиканизма. Позиции его представителей, сохраняя общую инструменталистскую рамку, находятся на разных участках спектра перфекционизма — инструментализм, что необходимо учитывать для лучшего понимания как римского направления, так и республиканизма в целом. В этой связи в предлагаемой статье на примере работ Ф. Петтита, М. Вироли и Дж. Мэйнора предпринимается попытка конкретизировать значение гражданской добродетели в современном римском республиканизме. Как итог, римский республиканизм предстает более плюралистической теорией, что улучшает его позиционирование среди других направлений республиканизма, открывая новые возможности для их сближения на пути к формированию когерентной традиции республиканской мысли.

Ключевые слова: республиканизм; гражданская добродетель; общее благо; свобода как не-доминирование; политическое участие; гражданское воспитание; состязательная демократия